

НОВИКОВА-СТРОГАНОВА О ГОГОЛЕ

Недавно вышла в свет статейка некоей Аллы Новиковой-Строгановой о Гоголе.

Новикова-Строганова – доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей РФ, историк литературы. В девичестве Быкова. Такого человека с фамилией Новиков-Строганов поисковик не знает. Кандидатскую защитила в 1993 г., когда власти начали нагнетать религию, а диссертации уже были обесценены, тем более по гуманитарным специальностям. Докторскую защитила в 2003-м. Легко и просто защищать диссертации в эпоху, когда власти из кожи вон лезут, чтобы представить то Достоевского, то физиолога Павлова религиозными. В университетах понатыкали кафедры теологии, а ведь это бюджетные деньги, это наши с вами налоги. И на эти деньги религиозные мракобесы развешивают студентам лапшу на уши. В православные умудрились записать даже Сталина – как же, семинарист-недоучка, да еще обращение «братья и сЕстры». А Гоголя поместить в палату религиозных – сам бог велел.

Только великий писатель Гоголь – не религиозен. И мы это увидим.

Вот что пишет доктор наук, читаем.

«210-летний юбилей Гоголя с новой остротой ставит вопрос об изучении его творческого наследия в свете христианского идеала. Подобно пушкинскому пророку, Гоголь, «духовной жаждою томим», искал пути к её утолению, духом припадая к животворному источнику – Евангелию».

Новикова передергивает. «Духовной жаждою томим» - вовсе не о религии, а о поэзии. Стихотворение написано Пушкиным в 1826 году, под впечатлением казни его друзей, декабристов. Духовная жажда обращена отнюдь не к богу, а к тому, чтобы поэзией, «глаголом жечь сердца людей».

Далее: «Выше того не выдумать, что уже есть в Евангелии», – утверждал великий русский писатель. Призывая к обновлению всего строя жизни на началах христианства, Гоголь пророчески утверждал: «Один только исход общества из нынешнего положения – Евангелие».

Простите, а в чем пророчество? Исходом из «нынешнего положения» стала Октябрьская революция. А возврат к «нынешнему» положению произошел как раз тогда, когда начали нагнетать Евангелие, а экономика обрушилась вдвое, резко подскочила смертность и общество сверху донизу охватила коррупция.

«По справедливому суждению, - без ложной скромности уверяет Новикова, - гений Гоголя до сих пор остаётся неизвестным в желаемой полноте». Прикоснуться к тайне гения, духовной стороне его жизни и творчества помогает «апокрифический рассказ» о Гоголе Лескова «Путимец». Истинный художник-христианин Лесков – наиболее близок Гоголю по духу – также постоянно говорил о важности Евангелия, в котором «сокрыт глубочайший смысл жизни», и горячо ратовал за восстановление «духа, который приличествует обществу, носящему Христово имя». Рассказ «Путимец» художественно воссоздаёт облик молодого Гоголя-лицеиста, обнаруживая напряжённую внутреннюю жизнь будущего писателя, его пророческий дар, замечательную способность с первого взгляда постигать характер и саму сущность человека, воздействовать, словом, на самые глубокие струны человеческой души».

В рассказе «Путимец» Лесков пишет, что много малороссов не терпели кацапов, но Гоголь этого не разделял и любил русскую удаль. Дальше идет спор между Гоголем и его спутником, Чернышом:

— Кацапы, — проповедовал Гоголь, — такой народ...

— Душевердный! — перебивал Черныш.

— Нет, не душевердный, а совсем напротив.

— Надувалы и прихлебалы.

А какие замечательные у русских сказки, говорит Гоголь. Так «сказки на то и называются сказками, чтобы им умные люди не верили», возражает ему Черныш. А дальше Гоголь отмечает изумительную штуку:

«... если уже ты такой умный человек, что тебе сказки не по плечу, то читай книги божественные и там то же самое увидишь.

— Какие это именно книги, и что там о твоих кацапах сказано?

— Читай, что писано в «Житиях» о русских святых... Какие удивительные повороты жизни! Сегодня стяжатель и грешник — завтра все всем воздал с лихвою и всем слуга сделался; сегодня блудник и сластолюбец — завтра постник и праведник...»

То есть: Гоголь указывает на лицемерие писаний! Правда, сам он не хочет этого видеть, ему дороже мир иллюзий: «Я люблю, кто способен на такие святые порывы, и скорблю о тех, кто их не ценит и не любит!»

Гоголь желал, чтобы герой рассказа Путимец перестал быть жадным, раскаялся. И вот тут у Гоголя – детская наивность, что этого можно достичь каким-то великим доказательством, примером, даже молитвой. Та же наивность - у графа Толстого, который думал, что если не есть мяса, а кушать молочную кашу, изменится природа человека. Буржуазная природа, с жадностью, стяжательством, обманом, когда человек человеку волк. Почитайте, любопытный рассказец.

Но... что ж тут было постигать Гоголю. Путимец – прост, весь на виду. И как же Гоголь воздействует на «самые глубокие струны человеческой души»? Путимец содрал с путников рубль за две кринки молока: подождал, пока те выпьют, а уж потом назначил дикую цену. Гоголь похвалил Путимца за щедрость, соврал ему, что другие берут больше. Путимец повторил свой прием с двумя офицерами, причем назначил еще большую цену, а те за такую шутку его избили, серьгу из уха выдрали и кринку о его голову разбили. Соображает ли Новикова, что пишет?

Кроме того. Да, в рассказе Гоголь говорит о святых писаниях, но постижение человека – не есть задача религиозного человека, его задача – служение боженьке.

Затем Новикова эклектически привязывает текст «Путимца» к Евангелию.

«Художественный образ Гоголя, как литературного персонажа соотносится с духовным обликом Гоголя как реальной личности. Лесковский текст предоставляет широкие возможности сцепления с литературно-публицистическим, эпистолярным гоголевским наследием, позволяет восстановить синхронный литературный контекст и его сокровенную сущность – контекст евангельский, который определяет смысл заглавия рассказа «Путимец». Концепт «Путь» в его высоком новозаветном значении: «Аз есмь Путь, и Истина, и Жизнь» (Ин. 14:6) – становится сверхсмыслом и идейно-художественным центром произведения. Кульминация рассказа – духовное обновление человека на пути к Богу. В подтексте задан христианский вектор: «И будет там большая дорога, и путь по ней назовётся путём святым <...> идущие этим путём, даже и неопытные, не заблудятся» (Ис. 35:8). Это магистральное направление, указанное в Библии, отразилось и в русских народных пословицах: «За Богом пойдёшь, добрый путь найдёшь», «Бог пути кажет», «Нужный путь Бог правит», «Призывай Бога на помощь, а святого Николая в путь». Молодой Гоголь с первых страниц повествования – в пути – в прямом и метафорическом смысле. В этом плане он тоже «путимец». Образ вечного путника, каким видел себя писатель, хранит вся его переписка – от раннего возраста до зрелости. Будучи юношей, в 1827-м он писал своему другу Г.И. Высоцкому: «в глубоком раздумье стоял я над дорогою жизни, безмолвно обсматривая будущее». «От ранней юности моей меня была одна дорога, по которой я иду <...> совершилось всё это не без воли Божией», – признавался Гоголь 20 лет спустя – в январе 1847 г. – С.Т. Аксакову».

Что ж... путь Путимца был таков: став совсем старым, Путимец удалился в монастырь. Вот решение проблемы! Дорогие друзья, идите вы все по святому пути, идите, идите и идите...

Причем Лесков выписывает совершенную дикость: люди верят, что Путимец уж более никогда не спал. И, чтоб не спать, окружал себя острыми крючьями. Зачем?? Вот это вот и есть обновление? И если юный Гоголь – тоже Путимец, стало быть, он в детстве был крайне жадным.

И откуда Новикова выкопала у русского народа такие благодные пословицы. Только она почему-то одни пословицы исковеркала в духе современной варварской эпохи, другие пословицы позабыла:

- Паши не для Иисуса, а ради хлеба куса.
- За деньги и бога можно купить.
- Где страх, там и бог.
- Взять боженьку за ноженьку, да и об пол.
- Бог да поп тогда хорош, пока разум плох, а с ясным умом и без них проживём.
- Бог пристанет - и попа приставит.
- Пост не мост, можно и объехать.
- Свой вертеп лучше Синайской горы (т.е. свой кабак для русского мужика ценнее горы, где Моисей беседовал с богом)
- Сквородный звон лучше колокольного.
- Бог беззубому дает орехи.
- Бога просить - что решетом воду носить.
- Бог поберег и вдоль и поперек.
- Среда да пятница в доме не указчица.
- Старичок Сергеюшка в шелк-бархат всю братию одел (пословица говорит о Троице – Сергиевой лавре).
- Зачал говеть, да стало брюхо болеть.
- Что богу дали, то, считай, потеряли.
- За богом пойдёшь - ничего не найдёшь.

У доктора филологический наук еще и ошибка: после слов «художественный образ Гоголя» - лишняя запятая.

«В лесковском рассказе, - сообщает Новикова, - Гоголь горячо выступает в защиту русского человека, «русской удали», отрицает националистическую узость, не разделяет «крайностей малороссийской нетерпимости» к «кацапам». Заведя беседу «о типическом ямщике великорусском, человеке по преимуществу общительном, разговорчивом и весёлом», герой рассказа восклицает: «великоросс совсем другое: с тем всего какой-нибудь один час проедешь – и перед тобою вся его душа выложится; вся драма его жизни тебе станет открыта. “Душа нараспашку...”»

Каким местом читала Новикова рассказ Лескова? Ведь похвальбы Гоголя в адрес русских наталкиваются на суровую реальность, ибо жадный Путимец – кацап.

И Гоголь «обобщает» Путимца на всех русских:

— Что тебе, жаль его, что ли? — осведомился Черныш.

— Да, жаль, — отвечал Гоголь и, «размахнув руками, як крыльями, навкруг во вси стороны», добавил: — понимаешь... мне жаль всех их... всех... Они все так... сами себя выбьют.

— То есть — эта вся кацапузия сама себя прибьет?

— Да, да...

А ведь Новикова с отличием закончила университет в Орле. Как же это плохонько ее обучали, в советском-то вузе.

Фома Аквинский полагал, что науки должны прислуживать религии. Ныне под эту формулу попала и великая русская безбожная литература.

«В «Авторской исповеди», - пишет Новикова, - Гоголь подробно объяснял: для постижения русской природы, чтобы уяснить «себе самому определительно, ясно высокое и низкое русской природы нашей, достоинства и недостатки наши <...>, следует узнать получше природу человека вообще и душу человека вообще»; «занятием моим стал <...> человек и душа человека вообще». Стремление к познанию человеческой души привело Гоголя к самопознанию и Богопознанию: «О, как глубже перед тобой раскрывается это познание, когда начнёшь дело с собственной своей души! На этом-то пути поневоле встретишься ближе с Тем, Который один из всех доселе бывших на земле показал в Себе полное познание души человеческой». Неизбежное следствие самопознания – самовоспитание: «узнавать душу может один только тот, кто начал уже работать над собственной душой своей». Писатель указывает путь к уяснению сложных духовных вопросов: «Найди только прежде ключ к своей собственной душе; когда же найдёшь, тогда этим же ключом отопрёшь души всех»; необходимо «покрепче всматриваться в душу человека, зная, что в ней ключ всего». основополагающий «ключ всего» Гоголь нашёл в Боге: «Всё, где только выражалось познание людей, от исповеди светского человека до исповеди анахорета и пустынноика, меня занимало, и на этой дороге, нечувствительно, почти сам не ведая как, я пришёл ко Христу, увидевши, что в Нём ключ к душе человека и что ещё никто из душезнателей не всходил на ту высоту познания душевного, на которой стоял Он». Исследуя и изображая жизнь, писатель «не совращался с своего пути» и закономерно «пришёл к Тому, Кто есть источник жизни <...>, Который один полный ведатель души и от Кого одного я мог только узнать полнее душу». Гоголь размышлял о действии Высшего Промысла в его писательской судьбе: «были такие обстоятельства, <...> которые заставляли меня, против воли моей собственной, входить глубже в душу человека»; «крутым поворотом, происшедшим не от моей воли, наведён я был заглянуть глубже в душу вообще и узнать, что существуют её высшие степени и явления». Обострённое стремление разгадать человека владело Гоголем сызмальства: «От малых лет была во мне страсть замечать за человеком, ловить душу его в малейших чертах и движениях его»; «жажда знать душу человека так томила меня постоянно от дней моей юности»; «прежде, чем сделался писатель, уже имел я охоту: к наблюдению внутреннему над человеком и над душой человеческой».

Однако – что ж за уловление души в малейших чертах мы видим, например, в «Ревизоре» или Мертвых душах)? Гоголь здесь рисует не столько душевные переливы, сколько существо российской монархии, которая хоть и «вдохновенная Богом», но на излете феодализма Русь-тройка везет мошенника, а правит ей пьяный Ель... простите, кучер.

В «Мертвых душах» - пещерные нравы российской элиты, о народных низах Гоголь замечает, что «крестьянин крестится, почесывая залатанный зад».

А какие тончайшие движения души в «Тарасе Бульбе». Отец и сын встречаются после долгой разлуки и начинают друг друга мутузить. Затем, после традиционного пьяного загула, хочется поехать в «Натолию», дабы поубивать от души и пограбить. Тут уж Гоголь не «отрицает националистическую узость», тут он и татар, и евреев приложил. Правда, за дело: первых – за набеги, вторых, как и Маркс – за торгашество.

«Историю раннего духовного и идейно-эстетического развития писателя подтверждает его эпистолярное наследие, - ничтоже сумняшеся толкует Новикова. - Уже в первых письмах из Нежинской гимназии, адресованных «дражайшим папеньке и маменьке», 15-летний Гоголь осознаёт себя взрослым и ответственным человеком: «Как будто бы ещё о сю пору я ещё ребёнок и ещё не в совершенных летах и будто бы на меня ничего нельзя положить», – с укором обращался он к родителям, угадав их желание оградить сына от тревог. «Но как много ещё и от меня закрыто тайною, и я с нетерпением желаю вздёрнуть таинственный покров», – писал он матери в первые дни пребывания в Петербурге. Впоследствии автор «Ревизора» и «Мёртвых душ» в письме С.Т. Аксакову признавался: «внутренно я не изменялся в главных моих положениях. С 12-летнего, может быть, возраста я иду тою же дорогою, как и ныне, не шатался и не колебался никогда во мнениях главных <...> шёл далее своей дорогой; и точно Бог помогал мне <...> И теперь я могу сказать, что в существе своём всё тот же, хотя, может быть, избавился только от многого, мешавшего мне на моём пути». Таким образом, Лесков – автор «апокрифического рассказа о Гоголе» – нисколько не погрешил против истины, отмечая в личности своего юного героя черты прозорливого и вдумчивого «душеведа»-христианина, который выражал горячее убеждение в способности падшей человеческой природы к быстрому духовно-нравственному возрождению: «всё, что тебе ещё угодно, можешь отыскать в них дурного, а мне в них всё-таки то дорого, что им всё дурное в себе преодолеть и исправить ничего не стоит; мне любо и дорого, что они как умственно, так и нравственно могут возрастать столь быстро, как никто иной на свете. Сейчас он такой, а глазом не окинешь – как он уже и перекинется, – и пречудесный».

Мы видели выше – да, Лесков не погрешил против истины, только Новикова вывернула эту истину наизнанку.

«... Гоголь – чешет Новикова, - ... признавался, что «наблюдал над собой, как учитель над учеником, не в книжном ученье, но и в простом нравственном, глядя на себя самого как на школьника». Это духовное самообразование, согласно гоголевской

исповеди, было predeterminedено «желанием совершенства, если сходил за тем Сын Божий, чтобы сказать нам всем: “Будьте совершенны так, как совершен Отец ваш Небесный”».

Новикова – профессор... где? В семинарии?

Действительно: если задумал Всемирный Потоп – не останавливайся, хочешь перерезать египетских младенцев – не совестишься. Совершенный человек! Вот цель. В совершенном человеке всё совершенно: нос, череп, кровь. Однако главное – чистые помыслы: не возжелай жену ближнего своего, которая давно разлюбила мужа, не убий фашиста, не прелюбодействуй, дабы человечество осталось без детей, не укради веревку у стремящегося повеситься...

«Указанному в Евангелии пути, - проповедует Новикова, - совершенствования нет конца, не поставлено никаких пределов, - постановляет Новикова. - Поэтому писатель не вправе быть скорым на обвинения несовершенному человеку. Гоголь размышляет: «Не мешало бы подумать <...>: “Не ошибаюсь ли я сам? Ведь я тоже человек. Дело здесь душевное. Душа человека – кладезь, не для всех доступный иногда <...> Часто и наискуснейшие врачи принимали одну болезнь за другую и узнавали ошибку свою только тогда, когда разрезывали уже мёртвый труп”». Отсюда – осознание величайшей ответственности за несправедливое, учительное слово в полном соответствии с поучением Христа: «за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься» (12: 35–36). Слово, обладающее жизнестроительной силой, включается в евангельский контекст: «И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин. 1: 14). Сакральное Слово: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1: 1) – соотносится с творящим словом вообще, которое есть дар Святого Духа: «Святой Дух научит вас в тот час, что должно говорить» (Лк. 12: 12)».

То есть: Новикова берет слова Гоголя и присобачивает к ним фразочку из святого писания. Вот метод! Перевел старушку через дорогу – тут же подскакивает Новикова и кричит: «Это так Христос завещал!»

«Гоголь-писатель, - лжет (мы увидим) Новикова, - обострённо ощущал священную сущность слова: «чувствовал чутьём всей души моей, что оно должно быть свято <...> словесное поприще есть тоже служба». Слово имеет разительную силу, обладает действенной духовной энергией. Оно способно изменить устремления души и саму судьбу человека.

Просвещённый Божественным откровением ум Гоголя впоследствии привёл его к основным писательским установкам: «Опасно шутить писателю со словом»; «Чем истины выше, тем нужно быть осторожнее с ними»; «Обращаться с словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку». Эти афористически выраженные христианские убеждения определили смысл главы IV «О том, что такое слово» «Выбранных мест из переписки с друзьями» и пафос книги в целом: «Слово гнило да не исходит из уст ваших! Если это следует применить ко всем нам без изъятия, то во сколько крат более оно должно быть применено к тем, у которых поприще – слово и которым определено говорить о прекрасном и возвышенном. Беда, если о предметах святых и возвышенных станет раздаваться гнилое слово; пусть уже лучше раздаётся гнилое слово о гнилых предметах. Уже с юности Гоголь почти неземной: «душа моя хочет вырваться из тесной своей обители». Он жалуется на «существователей», которые «задавили корою своей земности, ничтожного самодоволия высокое назначение человека». Ему чужда мысль, «как бы добыть этих проклятых, подлых денег, которых хуже я ничего не знаю в мире»; претят «мошенники», которые «дерут предорого и ни на грош не приносят пользы». Подлинное глубокое выражение внутренней жизни молодого Гоголя находим в примечательном письме из Нежина 1.3.1828. Гоголь пишет матери, что претерпел «столько неблагодарностей, несправедливостей глупых, смешных притязаний, холодного презрения и проч.», и признаётся: «Всё выносил я без упреков, без роптания, никто не слышал моих жалоб, я даже всегда хвалил виновников моего горя <...>. Уроки, которые я от них получил, останутся навеки неизгладимыми <...> Вы увидите, что со временем за все их худые дела я буду в состоянии заплатить благодарениями, потому что зло их мне обратилось в добро».

Новикова путает дар божий с яичницей. Одно дело, если Гоголь хочет, чтобы душа вырвалась из своей тесной телесной оболочки, т.е. хочет побыстрее склеить ласты. Другое дело, что ему досаждают мир мошенников. Но критика мошенничества вовсе не означает что-то неземное!

И... то ли Гоголь стремился всё же достать этих проклятых денег, то ли ему вообще денег не надо, чужда ему даже сама мысль о пропитании.

Особенно трогательна вера Гоголя, что причиненное ему зло оборотится добром.

Годы прошли. Зло добром не оборотилось...

«Жертвенный путь, - лжет далее Новикова, - с ранних лет привлекал Гоголя: «даже в детстве, даже во время школьного учения <...> мне всегда казалось, что в жизни моей мне предстоит какое-то большое самопожертвование». Стезя великого русского писателя, обрётшего себя «на нищенскую и скитающуюся жизнь», – это аскетический путь бесприютного странника. «Как будто нарочно дала мне судьба тернистый путь», – говорил Гоголь».

Гоголь - дворянского происхождения. В гимназии был откровенным лодырем. Отказался от доли в наследстве в пользу сестер, мать отдавала последнее на его жизнь в Петербурге.

«В конце 1829 г. Гоголь поступил помощником столоначальника 1-го стола 2-го отделения департамента уделов Министерства уделов, при этом был пожалован самым младшим чином по Табели о рангах — коллежского регистратора; прослужил полтора года. Чиновником он был плохим», - отмечает Википедия. - Раем ему представлялась Америка, но вместо нее он попал на службу в охранку, в 3-е отделение, благодаря протекции знакомого стукача Фаддея Булгарина. Через год уволился, пару лет провел в департаменте уделов. По протекции

профессора Плетнева в 1834 году его назначили на должность адъюнкта по кафедре истории в Петербургском университете. Несколько раз ему удалось прочесть эффектные лекции, но затем задача оказалась ему не по силам, и он сам отказался от профессуры - в 1835 году.

Его много издавали, ставили его пьесы, в 1836-м он уехал за границу, где пробыл с перерывами около десяти лет...

Словом, говорить о жертвенном пути Гоголя, мягко говоря, не приходится. Ну, а трудности, тяжелые дни – у кого их нет.

«Религиозные искания, - продолжает Новикова, - на пути духовного освобождения в последние годы жизни писателя вызвали в нём острое «томление духа». Духовная жажда утоляется во Христе, в праведной жизни по Его заповедям: «Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берёт воду жизни даром» (Отк. 22:17); «кто жаждет, иди ко Мне и пей» (Ин. 7:37). Беседа у колодца с самарянкой, Иисус возвестил: «всякий, пьющий воду сию, возраждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нём источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин. 4: 13–14). Мысль о монашестве не оставляла Гоголя: «Не дело поэта втираться в мирской рынок. Как молчаливый монах, живёт он в мире, не принадлежа к нему, и его чистая, непорочная душа умеет только беседовать с Богом». Это образное сравнение, подчёркивающее духовную высоту писательского труда, «художнически-монастырской работы», постепенно перерастает в убеждение: «нет выше удела на свете, как званье монаха». В письмах Гоголь признаётся, что больше годится «для монастыря, чем для жизни светской». Укрепление православного идеала способствовало глубокое вхождение писателя в молитвенный духовный опыт, обращение к святоотеческому наследию. Так, Гоголь просил прислать ему в Рим «молитвенник самый пространный, где бы находились все молитвы, писанные отцами Церкви, пустынниками и мучениками». Писатель по-монашески «келейно» штудировал труды Святых отцов, делал выписки из богослужебных книг, создавал собственную духовную прозу. На сохранившемся в Оптиной пустыни первом томе «Мёртвых душ» автор отметил: «Здравую психологию и не кривое, а прямое понимание души встречаем лишь у подвижников-отшельников». Писатель много и усердно молился: «Помолюсь, да укрепится душа и соберутся силы, и с Богом за дело», – писал он накануне паломнической поездки по Святым местам. В предсмертных записях Гоголь оставил истинно пасхальный завет воскресения «мёртвых душ»: «Будьте не мёртвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк прелезае иначе есть тать и разбойник». Гоголь горячо ратовал за восстановление образа Божьего в «пошлом», «холодном, раздробленном, повседневном характере» человека, опутанного «всей страшной, потрясающей тиной мелочей». Эта задача остаётся не менее плодотворной и сейчас, ибо «цели христианства вечны».

Новикова лжет и лжет без стеснения.

Летом 1845 г., пишет Википедия, Гоголь, не обладавший крепким здоровьем, заболевает, пишет завещание, сжигает рукопись 2-го тома «Мёртвых душ». В ознаменование избавления от смерти решает уйти в монастырь и стать монахом, но монашество не состоялось. Зато его уму представилось новое содержание книги, просветлённое и очищенное; ему казалось, что он понял, как надо писать, чтобы «устремить всё общество к прекрасному». И вот только тогда Гоголь решает служить богу на поприще литературы. Он пишет книгу «Выбранные места из переписки с друзьями».

То есть, под конец жизни Гоголь становится мракобесом и обскурантом.

Книга с треском провалилась, Белинский отправил ему письмо, где без всяких околичностей писал: «Вы не заметили, что Россия видит своё спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навоз... ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми... нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей... русский человек произносит имя Божие, почёсывая себе задницу. Он говорит об образе: *годится — молиться, не годится — горшки покрывать*. Приглядитесь пристальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ... великий писатель, который своими дивно-художественными, глубоко-истинными творениями так могущественно содействовал самосознанию России, давши ей возможность взглянуть на себя самое, как будто в зеркале, с является с книгою, в которой во имя Христа и церкви учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, ругая их *неумытыми рылами!*...»

Гоголь переживал... Съездил в Иерусалим, к тому, что называют «гроб господень», но совершенно никак не впечатлился. Наконец, бросил литературу и стал говеть на масленице.

Но если б Новикова попыталась мыслить шире, она бы указала, что Гоголь и Пушкин были дружны, именно Пушкин подбросил писателю сюжеты «Ревизора» и «Мертвых душ». А Пушкин написал не только богохульную «Гаврииладу», но и следующее четверостишие:

Мы добрых граждан позабавим

И у позорного столпа

Кишкой последнего попа

Последнего царя удавим.